

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное учреждение культуры
«Архангельский государственный музей деревянного
зодчества и народного искусства «Малые Корелы»

**МАЛЫЕ
КОРЕЛЫ**
музей деревянного зодчества
новые ценности – из зёрен традиций

Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 45-летию музея «Малые Корелы»
(Архангельск, 8 – 11 июля 2009 года)

к 1420771

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Архангельск
Музей «Малые Корелы»
2010

ют в себе жанровые признаки устного рассказа и анекдота. Выявление более полного списка сюжетов – дальнейшая перспектива нашего исследования.

Примечания

1. *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. – М., 1982.
2. *Дранникова Н.В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004.
3. *Панченко А.М.* Смех как зрелище // *Лихачев Д.С., Панченко А.М.* «Смеховой мир» Древней Руси. – Л., 1976. – С. 91 – 194.
4. *Протп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.
5. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. *В.Г. Барзг, И.П. Березовский, К.П. Кабашиников, Н.В. Новиков.* – Л., 1979.
6. *Юдин Ю.И.* Русская народная бытовая сказка. – М., 1998.

Я.Л. Юнина,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
ФГУК «Архангельский государственный музей деревянного зодчества
и народного искусства «Малые Корелы», г. Архангельск

Образ печи в северорусских говорах

Отправной точкой для изложения материала данной статьи является положение об онтологической и функциональной сущности языка, а именно – его способности формировать, накапливать и передавать миропонимание и мировидение человека. В своем «наиболее полном и очищенном виде», по выражению В. фон Гумбольдта, характер (сущность) языка проявляется прежде всего в живой речи [6, с. 374], в связи с чем диалектная речь, в которой к условиям проявления сущности языка добавляется территориальный аспект, является «благодатной почвой» для этнолингвистических исследований.

Выбор подобного положения в качестве исходного пункта рассуждений обоснован непреходящей актуальностью изучения связей языка и действительности, слова и материальной реальности, лексического значения и духовного, культурного наследия народа: «...проблема того, как осуществляется переработка представлений о действительности, закрепление, накопление и хранение сведений о мире посредством языковых единиц, как и прежде, актуальна» [17, с. 13].

«Язык – вербальная сокровищница культуры нации, способ ее концентрации, поэтому все можно найти в этой самой загадочной и в то же время самой открытой сфере, в которую нужно уметь проникнуть, расшифровывая смыслы, символы, образы» [5, с. 29]. Назначение настоящей статьи – выявить и репрезентировать одну из великого множества крупниц «вербальной сокровищницы» культуры русского народа: совокупность языковых единиц, называющих и описывающих элемент северорусского крестьянского домостроительства – печь. При

этом акцент будет сделан на отдельном классе языковых единиц, семантически отражающих топографический аспект описания печи. Материалом служит лексико-семантическая группа (ЛСГ) лексем и фразеологизмов с общей семой 'печь' по данным определенной формы русского национального языка – диалектной речи (севернорусского наречия), а именно – говоров Архангельской области.

Диалектная ЛСГ «Печь» сформировалась в результате вычленения из словарного состава говоров Архангельской области ряда слов, объединенных тематически и семантически, то есть все лексические единицы имеют общий смысловой компонент 'печь'. В нашем случае речь идет об общем предметном (денотативном) компоненте, так как печь – вещественный, исчислимый предмет реальности, вследствие чего диалектная ЛСГ «Печь» характеризуется и как денотативная: «Исследование показывает, что из словарного состава возможно извлечь эмпирическим, индуктивным путем корпус единиц, каждая из которых в том или ином виде включает признак, четко ориентированный на определенный объект мира. Именно наличие во множестве слов одного и того же повторяющегося компонента позволяет объединить их в классы, названные денотативными» [18, с. 53].

Значимость печи в жизни и культуре русского народа, в особенности в жизни и культуре носителей севернорусского наречия, позволяет нам расширить понятие денотата в отношении имени *печь* до понятия концепта. Полифункциональность печи, множественность обрядов, верований, примет, связанных с печью, обусловили богатство смыслового содержания слова *печь*, которое включает как языковое, так и энциклопедическое знание. В этом случае мы вправе говорить о концепте «Печь» как о «сгустке» информации об объекте действительности, концентрирующем и интегрирующем в себе сведения самого различного характера [3, с. 77]. В число сведений могут входить гносеологические, когнитивные, психологические, коннотативные и иные результаты познания и обработки полученной в течение столетий информации об объекте, его связях с реальностями других сфер знания и так далее: «... концепты, по мнению большинства исследователей, существуют в ментальном пространстве индивидуума не в виде четких понятий, а как «пучки» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают каждое слово и другое языковое выражение» [13, с. 68]. Переход номинативной единицы на уровень концепта обусловлен природой самого слова, которая проявляется, по мнению М.А. Денисовой, например, в следующем: «Слово парадоксально по своему характеру. С одной стороны, оно имеет четкое значение, отражающее какой-то кусочек материальной действительности. С другой стороны, оно может вызывать бесконечный ряд ассоциаций, которые в обобщенном виде присутствуют в сознании носителей языка...» [7, с. 92].

Слово, входящее в основной фонд севернорусского наречия, неизбежно обладает особым статусом среди лексических единиц национального русского языка: так, денотат *печь* в диалектной речи становится концептом, аккумулирующим народное мировидение, а также особенности быта того или иного края (в нашем случае Русского Севера), он хранит результаты обыденного познания действительности [20, с. 99]. С подобным статусом диалектного слова связана возможность существования и его разнообразнейших семантических взаимоотно-

ношений с единицами иных лексических классов, ассоциативных рядов «семантического происхождения, которые связаны с повседневным опытом, с тем, что человек хорошо помнит, чем дорожит. И часто в них прослеживается связь с русской национальной культурой, родной природой, привычным бытом, национально-психологическим типом и так далее» [7, с. 96].

Национальная культура русского народа, отраженная и зафиксированная, в частности, в диалектной речи, рассматривает печь не только как утилитарное отопительное устройство, но и как символ домашнего очага, единства общины, рода. Сакральная сторона быта включает данный объект реальности в великое множество обрядовых действий, связанных с различными аспектами и уровнями восприятия материального (обыденного) и духовного мира. Арханичность печи, ее значимость для крестьянской жизни перевели предмет печь в разряд архетипических культурно-семиотических образов, вследствие чего денотат *печь* приобрел многочисленное вербальное окружение, став обозначением только «вершины айсберга» значительного числа сопровождающих номинативных единиц.

Говоры только Архангельской области фиксируют более 500 лексических единиц, описывающих печь и ее конструкцию, включают более десятка общих наименований печи (*битуха, камница, печь, столбówka, тёплина* и другие), каждое из которых выявляет определенный признак объекта, его свойство или характеристику: «...познание человека о мире связано с выделением определенных объектов, явлений, процессов и их означиванием в единицах разной степени сложности, обобщенности, абстракции. Среди них есть и такие, в значениях которых фиксируются отдельные стороны одного и того же объекта, его свойства, качества, признаки, связи с другими объектами и самим человеком. Совокупность таких единиц отражает сведения, непосредственно связанные с тем или иным явлением, как правило, наиболее актуальные и практически важные для общества» [17, с. 3]. Действительно, из всех предметов домашнего обихода, объектов домоустройства печь как одна из древнейших реалий имеет особую значимость для быта и культуры русского человека, в особенности северорусского крестьянства.

История домово́й печи, основным использованием которой является приготовление пищи и отопливание жилого помещения за счет нагретого камня или кирпича, уходит в глубокую древность. Первые упоминания о приготовлении пищи на горячих камнях относятся к 5000 годам до рождения Христа: в те далекие времена в Египте таким образом пеклись лепешки из различных злаков. Настенные рисунки в гробницах указывают на то, что уже при Рамзесе I были первые предшественницы наших сегодняшних сводчатых печей. Финикийцы быстро распространили это изобретение на территории всего Средиземноморья, а позже в Европе и на территориях расселения славян.

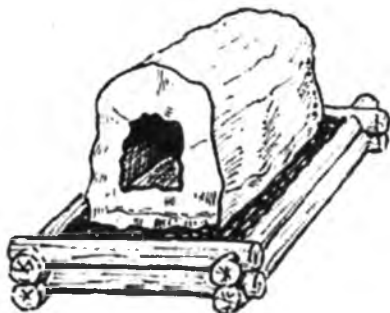
Прообраз современной печи, как утверждают археологи, появился около четырех тысяч лет назад. Именно тогда человек догадался «загнать» огонь под глиняный свод.

Арханичный отопительный прибор представлял собой очаг без трубы (курной очаг). Первоначально очаги были глинобитными и ставились прямо на пол. Дым при этом выходил через приоткрытую дверь. Этот очаг, сделанный по

принципу туннельной печи, или пещеры, и был прообразом будущих русских печей (см. рисунок 1).

Рисунок 1.

Глинобитный очаг¹

Позднее стали для выхода дыма делать отверстия в потолке или стене. Дым уходил на чердак и затем через неплотности в кровле на улицу. Постепенно появились деревянные дымоходы, собиравшие и выводившие дым наружу: «...когда-то изба топилась по-черному и дым выходил через дверь и деревянную трубу-дымник на крыше» [14, с. 70]. Дымники постепенно превратились в трубы, сделанные из толстого теса. А над устьем очага стали делать колпаки (дымосборники). Со временем трубы опустились до самого устья печки, что значительно улучшило тягу. На место деревянных труб постепенно стали приходить кирпичные. В XV – XVI веках появились «белые» русские печи, которые являлись основным отопительным прибором в сельской местности. Русская печь в крестьянской избе топилась каждый день зимой и летом.

Рамки статьи, к сожалению, не позволяют раскрыть все возможные внеязыковые (познавательный, мыслительный, ассоциативный, культурологический, чувственно-образный и другие) «грани» денотативного имени *печь*, полный содержательный объем концепта «Печь» в его диалектном аспекте. Для иллюстрации вышеприведенных теоретических основ проанализируем лишь часть смысловых связей, порожденных сравнением печи с теми или иными объектами реальности (конечным результатом чего во многих случаях становится метафора – образное сравнение). «Сравнение – один из способов осмысления действительности. Это частный случай сопоставления, а точнее – метафорическая интерпретация. Культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле – это проблема тождества и различия». «Существуют и национальные типы языковых сравнений, а среди них – общераспространенные и диалектные» [11, с. 219].

¹ Пояснения к рисунку 1. Глинобитный очаг. Под номером 1 – деревянный «футляр», огораживающий углубление в земле, в которое помещался архаичный очаг. Нижняя часть очага зарыта, «захоронена» в земле.

Диалектные сравнения позволяют выявить такой информационно-смысловой пласт концепта «Печь», как топографический аспект описания означенного концептом предмета. В настоящих материалах рассматривается только часть диалектных сравнений, где печь выступает в качестве объекта «пространственной метафоризации»: печь – центр пространства и печь – мировая вертикаль.

1. Печь – центр пространства.

«Печь играет особую символическую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе черты центра и границы» [9, с. 153].

Образ печи в качестве центра («сердца») физического и духовного пространства дома обусловлен, прежде всего, значимостью печи как реалии крестьянского быта.

«Матушка-печь – сердце дома... Северная зима долга и сурова. С сентября по май ежедневно топят печки в каждом доме... Мир с высоты лежанки, где сидишь на овчинном тулупе, чтоб не обжечься, в детских воспоминаниях – особый. Сидишь, разглядываешь дедовы глиняные игрушки, которые сохнут на полатке (полатка 'часть русской печи над устьем, дымоход' – каргопольское (КАРГ.); плесецкое: *Что наверху, то всё полатка называется. Когда печь топится, дым через неё в трубу*)¹. Таинственное черное жерло печи поглощает дымную пелену, что выплывает из устья под звучный треск березовых поленьев. От нагретого воздуха колышутся легкие ситцевые занавески, подвешенные к печному очелю, а у трубы старый кот твердит извечное «курлы-мурлы»... Потом, много лет спустя, ты поймешь, отчего русскую печь называют... «сердцем дома» [25, с. 40]. В такой поэтичный контекст этнограф Е.В. Шевелева ввела бытующее в говорах, в частности, Каргопольского района Архангельской области, сравнение печи с сердцем. Подобное сравнение, как и бытование метафорического наименования печи лексемой *сердце*, оправдано исторически. Примечательно тот факт, что изначально отопительное устройство (позже печь) располагалось в центре жилого помещения: «В древности очаг закономерно располагался посередине жилища, с ним была связана вся жизнь семьи» [14, с. 70], именно поэтому сравнение печи с сердцем представляется совершенно справедливым и закономерным. Сердце – «...центральный² орган кровеносной системы человека и животного, обуславливающий, благодаря ритмическому сокращению мышечных стенок, движение крови в организме. Древнерусское (др.-рус.) (с XI века) *сърдьце* – «внутренность», «сердце», «дух», «душа», «мысль», *сърдьчный* – «душевный»... Общеславянское (о.-с.) **сърдъсе*. Корень **сърd-*. Ср. на русской почве *осердие*, *предсердие*, а также *середина*... Старшее значение слова, по-видимому, – «то, что внутри» > «вместилище души». Индоевропейский (и.-е.) корень **krd-*...» [23, т. 2, с. 156]. Таким образом, слово *сердце*, содержащее неполногласный вариант корня *-серед-*, обозначает нечто среднее, срединное < центральное (ср. *сердцевина*), ядерное, основополагающее. Действительно, как при остановке сердца прекращается жизнедеятельность организма, так и при остывшей печи дом, изба утрачивают характеристики жилых помещений.

¹ Примечание автора статьи.

² Выделено автором настоящей статьи.

Печь всегда занимала основное место в избе: «Это подчеркнуто и внушительными размерами, и тяжелыми формами, и побелкой, контрастирующей с тепло-коричневым цветом дерева... Русская печь хорошо держит тепло в течение целых суток. Не случайно на ней любят греться старики, в ней не только готовят еду и варят пойло скоту, но и просушивают зерно, в мороз согревают телят, а в далеком прошлом внутри печи даже мылись... Печь – *центр*¹ всей избы и эстетический, и конструктивный» [14, с. 70]. В качестве дополнительного подтверждения приведем еще одну цитату: «Но что за семья без дома? Дом (или хоромы) давал кров и уют не только людям, но и коровам, и лошадям, и всякой прочей живности. И если в духовном смысле главным местом в хоромашах был красный угол главной избы, то средоточием, материально-нравственным *центром*², разумеется, была печь, никогда не остывающий семейный очаг» [4, с. 49].

Основополагающую роль печи выявляют не только исторические сведения и этнографический материал о быте северорусского крестьянства, но и этимология лексических единиц, называющих и описывающих элементы крестьянского домостроения, быта, культуры.

Обращение к этимологии мотивировано нашим стремлением с помощью данных языка еще раз доказать непосредственную связь двух объектов реальности: крестьянского дома и печи (избы как жилого помещения и домашнего очага). Право на подобную мотивацию нам дает, например, следующий постулат: «Не следует забывать, что потребность в этимологизации широко распространена и отражает один из важных параметров языковой компетенции. Даже «профаническая» этимологизация не всегда чистая забава и пристрастие к кунштюкам. Нельзя отрицать в ней ориентированности на поиск более глубоких и сокровенных смыслов, на определение истоков и связей слова, на «истинное» понимание языка (> овладение им) и – в известной степени – внешнего («подъязыкового») мира. Человек, не являющийся профессиональным этимологом, но этимологизирующий данное слово, как правило, ищет другое, второе (помимо лежащего на поверхности и всем известного) значение слова, которое стоит за первым значением и в конечном счете определяет его. Эта зависимость объясняется тем, что второе значение склонны рассматривать не только как предшествующее или даже исконное, но и как такое, которое непосредственно выводится из внеязыкового мира (мира вещей) и, следовательно, отражает прямую связь знакового с дознаковым. Знание значения, особенно исходного и / или скрытого, важно для человека. В известной мере именно на этом знании основан социальный престиж жреца, шамана, мистагога, прорицателя, поэта как открывателей и толкователей новых смыслов. В силу этих своих способностей они не только могут понять мир, но и контролировать его в том фрагменте, с которым соотнесено данное слово, управлять им, отвоевывать у хаоса все новые и новые участки и космизировать их, в частности, языком, словом...» [19, с. 206]. Языковед, не обладающий в полной мере знаниями и силой жреца, шамана или прорицателя, но изучающий слово на стыке филологии и этнографии, неизбежно приобретает возможности одновременно ученого и поэта, способного из «хаоса» богатейшего материала создать и репрезентировать онто-

¹ Выделено автором данной статьи.

² Выделено автором настоящей статьи.

логические «ячейки» информации (знания) и смысла, из которых и строятся все представления, в частности, о северорусском крестьянстве.

Ярким примером отражения значимости печи как центра жилого пространства (как в материальном, так и в духовном аспектах этого понятия) является этимология слова *изба*, имеющего в северорусских говорах два значения: 1) крестьянский дом; 2) жилое помещение в крестьянском доме. *Изба*. О.-с. заимствование из германского языка (ср. древневерхненемецкое (др.-в.-нем.) *stuba* – «теплое помещение, баня»). В др.-рус. памятниках зафиксировано в формах *истьба*, *истьба*, в которых начальное и неясного происхождения. Изменение *истьба*, *истьба* в современное *изба* объясняется утратой редуцированного гласного, в результате чего возникла группа согласных *стб*, упростившаяся в *сб*; *с* пред *б* озвончилось в *з*. Значение слова по славянскому языку неустойчиво: ср. болгарское *изба* – «землянка, шалаш, хижина», сербохорватское *изба* – «комната», польское *izba* – «комната, изба» и так далее. Первоначальное значение – «отапливаемое помещение» [24, с. 169]. При характеристике помещения в крестьянском доме как отапливаемого в качестве источника тепла, устройства отопления, несомненно, выступает печь. Ср. также: «Издавна было известно слово *истобка* 'изба' или 'баня', скорее последнее, судя по тем текстам, в которых встречается древнейшее упоминание о слове. Когда в 945 году Ольга мстила деревлянам, некоторых лучших мужей заманили в «истобку», предлагая помыться, и подожгли ее со всех сторон («пережтоша истобку» – Лавр. лет., с. 156). Это слово известно и позже, оно было собственно русским, потому что теплый дом (а именно отапливаемый дом и обозначало это слово) был совершенно необходим в суровом северном крае» [10, с. 217].

Диалектная лексика «...хранит результаты многовекового обыденного познания действительности. Следовательно, ее изучение позволяет установить, какие свойства и признаки объекта познаны людьми и отражены в знаковом содержании» [21, с. 69]. Анализ диалектного лексического материала выявил также производное имя, отражающее одно из основных свойств крестьянского дома (жилого помещения) – наличие печи: *Печище*. Место, на котором стоит дом. *Нашо печищѣ-то ведь не тут было, а вон, через дорогу. На дедковом печище дом поставили* (устьянское).

Таким образом, исторические, этнографические сведения, данные языка (этимологи), диалектной речи характеризуют печь как центр жилого домового пространства.

2. Печь – мировая вертикаль.

Диалектный лексический материал говоров Архангельской области в именах, называющих и описывающих конструкционные части и детали печи, отражает такой смысловой пласт в содержании концепта «Печь», как охват всех уровней пространственной мировой вертикали: от подземного до небесного.

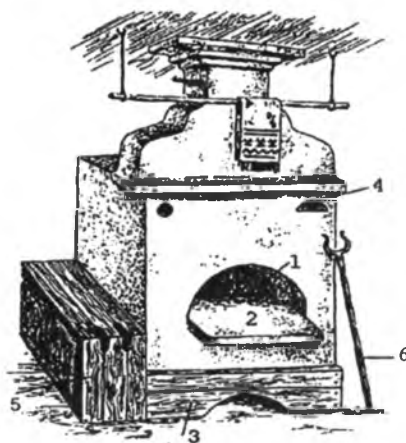
Подземный мир имплицирован, в частности, в лексеме *гроб* (КАРГ.) 'деревянное основание печи, печной каркас' и 'часть печного каркаса – углубление'. Слово *гроб*, входя в диалектную ЛСГ «Печь», в говорах Каргопольского района употребляется в переносном (метафорическом) значении. Притом что сравнение печного каркаса с гробом и утратило на современном этапе в каче-

стве основания сему 'захоронение', однако существование изначальной смысловой связи на основе общего элемента 'ров, яма' не вызывает сомнений. «Др.-рус. (с XI века) *гробъ* – «яма», «могила», «гроб», «гробница», *гробля* – «гроб» (но гл. обр. «ров»)… О.-с. **grobŷ*. Старшее значение – «яма», отсюда «могила». Абляют к о.-с. **gre(s)ti* «грести», «сгребать», «рыть» [23, т. 1, с. 219]. Ср. также: *Гроб*. О.-с., имеющее соответствия в германском языке (ср. др.-в.-нем. *grab* – «могила», готское *graba* – тж.). Образовано с помощью темы -ŷ и перегадовки от той же основы, что *гробить*, *грести*. Первоначальное значение – «яма, могила» (**grebtŷ* – «копать, грести, чесать») [24, с. 115].

Архаичные печи (очаги) – глиняные, или «битые». При кладке подобных печей в древних жилищах («землянках») на первоначальном этапе в земле делалось углубление (яма), в которое помещалась (зарывалась, закапывалась) нижняя часть очага (см. рисунок 1). Позже глиняная печь в крестьянском доме ставилась на деревянное основание, при этом нижняя ее часть обносились досками или брусьями. Пример подобного отопительного устройства в крестьянском доме в селе Шеймогоры Пинежского района описывает М.И. Мильчик: «В Шеймогорах, как почти всюду в этих краях, печь «битая», то есть не кирпичная, а глиняная. Поэтому она как бы вставлена в «футляр» – обвязку из брусьев, называемую печным местом, и покоится на деревянном основании – брусчатом опечке» [14, с. 70]. В общей схеме русской печи опечек (названный в каргопольских говорах *гробом*) показан на рисунке 2 (см. рисунок 2). Примеры оформления опечков также представлены на фотографиях (см. фотографии 1 – 3).

Рисунок 2.

Русская «битая» печь¹

¹ Пояснения к рисунку 2. Русская «битая» печь. 1. Чело (устье). 2. Припечек (шесток). 3. Опечек. 4. Печурка. 5. Залавок (длинный ящик с подъемной крышкой для хранения продуктов, посуды). 6. Ухват.

Фотографии 1, 2, 3.

Примеры оформления печек в крестьянских домах

Фотография 1. Заимствовано из <http://es.novosibdom.ru/node/1>.

*Фотография 2.
Печь в доме Третьякова
(музей «Малые Корелы»)*

*Фотография 3.
Печь в доме Лимонникова
(музей «Малые Корелы»)*

Срединный, «земной» уровень при описании печи посредством диалектного материала мы склонны видеть, прежде всего, в номинативных единицах, запечатлевших в своих корневых морфемах сему 'огонь, пламя'. 1. *Жаратка, жараток* (жар 'огонь'). Место сбоку от шестка русской печи, куда сгребали угли и золу (пинезское (ПИН.), мезенское). 2. *Жаратка*. Предмет печной утвари: металлический совок для сгребания углей. 3. *Напыльник* (пыль 'пламя'). Выступ печи, на который кладут спички (приморское)¹.

¹ Данные языка фиксируют древнюю связь понятий *Вселенная, середина* и *огонь*: ср. древнеанглийское *weogeld* 'Вселенная' (в буквальном переводе «камень-огонь»), вторая часть этого слова соотносится с ирландским *leth* 'середина', но шведское *eld* 'огонь' (Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М.: Владос, 1996. – С. 127).

Концепт «Печь» в качестве стржевого содержит представление о домашнем очаге, в котором горит неугасающий огонь, согревающий мир крестьянского дома, мир семьи, живущей в настоящий момент, на уровне физического земного бытия.

Наиболее подробное изложение материала о почитании пламени домашнего очага, семейного, родового огня в общемировом культурном контексте принял в свое время А.Н. Афанасьев (трехтомная монография «Поэтические воззрения славян на природу», том 2, глава «Огонь»). Приведем лишь одну выдержку, ярким образом иллюстрирующую верность нашего предположения и, несомненно, справедливую также по отношению к культуре бытия северорусского крестьянства, так как в том числе и для северорусского крестьянина изначально печь являлась объектом языческого поклонения, воплощением понятия о святости применительно к сфере домоустройства. «Семья была самым священным союзом у древнейших племен; живя под одним отческим кровом, она имела свое, исключительно ей принадлежащее божество и свою отдельную, семейную религию. Божество это было светлое пламя, возжигаемое на домашнем очаге (лексема *светлое* в русской культуре сопоставимо со словом *белое*: ср. загадку об огне и углях в печи *Белое ест, чёрное теряет*; смеем предположить, что белый цвет русской печи, равно как и наименование *белая печь*, – не только дань эстетике крестьянского быта, но и след архетипического представления о пламени как светлой, «белой», чистой и очищающей стихии)¹, а религия состояла в поклонении ему, жертвенных приношениях и постоянных заботах, чтобы не погасал священный огонь. Плавающий очаг почитался собирателем семьи, охранителем жилья и принадлежащих к нему владений, защитником брачных и родственных связей; он скрепляет супружеские узы, дарует детей, покой и счастье, словом, является предводителем всего нравственного мира, заключенного в стенах дома» [2, с. 21]. Кроме того, очаг «есть источник всякого обилия, плодородия и богатства» [2, с. 20], является источником новой жизни. Показателен в связи с этим пример, приводимый названным выше автором: «...в Архангельской губернии в заключение свадебного стола, когда будет съедена каша, кидают пустой горшок в печь, с приговором: «сколько черепа, столько молодым ребят!» [2, с. 25 – 26].

Следует отметить, что в северорусских говорах в соответствии с представлением об огне домашнего очага как источнике жизни закономерно отразилась ассоциативно-образная связь печи и женщины: ср., например, *Стоит баба на полу – росцеперила дыру* (загадка о русской печи – ПИН.; *дыра* 'входное отверстие в русской печи, устье' – ПИН., вилегодское). Ср. также: «Матушка – называют русские люди печь» [25, с. 40]. Сравнение с женщиной, матерью мотивировано, несомненно, фактом важности печи в избе как источника жизни. «Недаром, когда женщина рожала, в крестьянском доме открывали не только двери, окна, сундуки, но и печную заслонку. Печь была той пуповиной, которой человек был привязан к дому. Возле нее, как дети возле матери, ютились домочадцы. Печь служила связью поколений: хлопоча возле нее, мать передавала свое уме-

¹ Примечание автора статьи.

ние дочерям... Печь нужна была в любом возрасте. Она остывала только вместе с гибелью всей семьи или дома» [8, с. 27 – 28].

В контекст настоящих рассуждений, вероятнее всего, должно быть включено и слово *двор*. *Двор*. Устье русской печи (Кольский полуостров). Показателен тот факт, что в обозначении входа, границы, то есть устья, за которым рождается и живет огонь домашнего очага, заложено обозначение дома: *Двор*. О.-с. и.-е. характера (ср. латышское *dvars* – «ворота», древнеиндийское *dvāram* – тж.). Тот же корень, но с перегласовкой выступает в *дверь*. Первоначальное значение – «дом» [24, с. 120; 23, т. 1, с. 273].

Вышний, небесный уровень проявлен в диалектном переносном метафорическом значении и употреблении таких лексических единиц, как *небо*, *нёбо*, *свод* (ср. русское литературное *небесный свод*), а также в этимологии слова *дуга*.

Небо, *нёбо*, *свод*. Полукруглая кладка, соединяющая стены печи. *Небо* как *потолок в печи*. *Нёбо выкладывают полукругло*. *Под сводом и варим*. УСТЬ. (см. рисунки 3, 4)¹.

Рисунки 3, 4.

1, 2, 3. Сегменты свода
(цифры указывают порядок укладки
кусков, стрелки – направление ударов)

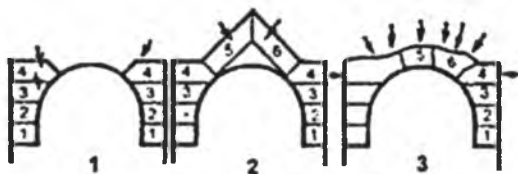

Рисунок 3.

Рама для устья,
повторяющая форму
самого устья, входного
отверстия в топку печи

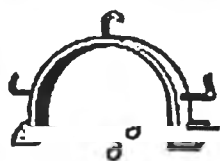

Рисунок 4.

«Небо, видимое очами смертного, представляется огромным блестящим куполом, обнимающим собою и воды и сушу, круглую прозрачную чашею, опрокинутую над землею. Потому обыкновенно оно называется... небесным сводом; в Беовульфе употреблено выражение «шатёр неба» – *himinskaut*; латинское *coelum* и французское *ciel*, по объяснению М. Мюллера, указывают на свод или кров земли. Отсюда сама собой возникала мысль о небе, как о священном храме, где живут светлые боги и высокая кровля которого сведена чудесным куполом. В старинной апокрифической рукописи сказано: «небо круговидно комароу»...

¹ Из указаний мастера-печника: «До устройства свода необходимо устроить две стенки по форме горнила или камеры и установить их на месте. В дальнейшем в передней стенке вырезают отверстие – устье. Форма устья может быть полуциркульной или в виде пологой арки таких размеров, которые имеет заслонка» (см.: <http://www.vizd.ru/art.view>). Заметим, что в крестьянских северо-русских домах в абсолютном большинстве случаев свод и устье имели форму именно полукруга (арки).

Славянское мир первоначально означало мир семейный, тишину домашнего жилища, а вселенная намекает на водворение (= вселение) семьи у домашнего очага, под родным кровом» [1, с. 59]. На наш взгляд, в северорусских говорах имеет место отражение проекции посредством лексем *небо* и *свод* архаичного видения неба как выпшней тверди, во-первых, на уровень кровли дома, двускатного «купола», укрывающего вселенную того или иного крестьянского рода, во-вторых, на уровень печной топки, верхняя часть которой имитирует арочный «купол», укрывающий источник жизни и силы крестьянской семьи.

В связи со сказанным представляется актуальным раскрытие этимологии лексемы *дуга*. *Дуга*. Передняя часть полукруглой кладки, соединяющей стены печи (котласское, виноградовское). Полукрут, дуга – одна из возможных разновидностей искривления пространства и вешного мира (ср. также др.-рус. и северорус. неизводное имя *дуга* 'радуга', содержащее в своем значении сему 'искривление, кривизна': *Радуга*. Разноцветная дуга на небесном своде, образующаяся вследствие преломления солнечных лучей в дождевых каплях [16, с. 640]). Именно искривление стало тем предикатом, что послужил мотивацией к возникновению слова *дуга*: *Дуга*. О.-с. **doga* – «радуга», «полукрут». Первоначальное значение – «кривизна». И.-е. корень **dhengh-* – «сгибать», «покрывать» [24, с. 134; 23, т. 1, с. 273]. Особо следует заметить факт соответствия русского слова *дуга* с лексемами *dangus* 'небо' (литовское), *dangus* 'небо' (древнепрусское), *ten(g)ri* 'небо, бог' (турецкое).

Таким образом, печь – материальная и сакральная «ось» мира крестьянского дома. Лексический материал говоров Архангельской области выявляет содержательно-смысловой, информационный пласт концепта «Печь», раскрывающий видение печи не только как объекта обыденной реальности, но и как проекции модели Вселенной.

Диалектный материал показал, что денотативное имя *печь*, являясь отражением отрезка действительности в сознании людей, пользующихся этим именем [15, с. 156], обладает богатым лексическим, семантическим, национально-психологическим наполнением, так как печь («отрезок действительности») уже с момента своего возникновения приобрела в сознании людей статус знакового объекта, а слово *печь* перешло на уровень концепта. Рамки статьи позволили нам раскрыть лишь малую долю языкового и внеязыкового (ассоциативного, культурологического) содержания концепта «Печь»: топографический аспект описания печи как предмета северорусского крестьянского домоустройства, отраженный в лексических единицах говоров Архангельской области.

Примечания

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 1.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 2.
3. Белицына Я.Л. Классификация как способ репрезентации картины мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой

- картины мира: материалы Международной научной конференции (21 – 23 мая 2002 года). – Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2002.
4. Белов В.И. Повседневная жизнь Русского Севера. Очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей. – М.: Молодая гвардия, 2000.
 5. Буянова Л.Ю., Ерошенко А.Р. О концепте как феномене ментальности и средстве концептуализации мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы Международной научной конференции (21 – 23 мая 2002 года). – Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2002.
 6. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985.
 7. Денисова М.А. Русское художественное слово и русский мир // РЯШ. – 1997. – № 3.
 8. Заддэ В.В. Печь согреет, накормит и порадует душу // Школа и производство. – 2000. – № 8.
 9. Камалова А.А., Савелова Л.А. Лингвокультурологическое описание северной русской деревни: учебное пособие. – Архангельск: Поморский университет, 2007.
 10. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000.
 11. Королева Е.Е. Сравнительные конструкции в идиолекте (на материале старообрядческого говора Латгалии) // Материалы и исследования по русской диалектологии. – М.: Наука, 2004. – Вып. II (VIII).
 12. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М.: Владос, 1996.
 13. Манаенко Г.Н. Концепт и понятие в отношении к языковому значению // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы Международной научной конференции (21 – 23 мая 2002 года). – Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2002.
 14. Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. – Л.: Искусство, 1971.
 15. Немец И. Раскрытие понятийного ядра слова при лексическом анализе языка древнего периода // Этимология. 1984. – М.: Наука, 1986.
 16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999.
 17. Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента мира: монография. – Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.
 18. Симашко Т.В. К вопросу о фрагментации языковой картины мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: материалы Международной научной конференции (21 – 23 мая 2002 года). – Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2002.
 19. Топоров В.Н. О некоторых теоретических аспектах этимологии // Этимология. 1984. – М.: Наука, 1986.
 20. Хохлова Н.В. Диалектная лексика в аспекте языковой картины мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой кар-

- тины мира: материалы Международной научной конференции (21 – 23 мая 2002 года). – Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2002.
21. *Хохлова Н.В.* Сравнительный анализ лексики природы в говорах Ленского и Пинежского районов // Славянское слово в литературе и языке: материалы Международной научной конференции «Славянская культура в современном мире» (Архангельск, 17 – 18 сентября 2002 года). – Архангельск: ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
22. *Чащина Е.А.* Этнолингвистический словарь Кенозерья // Научный архив ФГУ НП «Кенозерский». – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 91.
23. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1999.
24. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь. – М.: Просвещение, 1971.
25. *Шевелева Е.В.* Матушка-печь – сердце дома // Каргополь: город мастеров: сб. ст. – Каргополь, 2002.
26. *Школьник А.Е.* История русской печи // Наука и жизнь. – 1988. – № 1.